

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784>
EDN: ERVDFS

УДК 398

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА ТАТАР ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Л.Х. Мухаметзянова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lilmuhat@mail.ru*

Резюме. Цель исследования – рассмотрение проблемы исторической памяти народа и национального культурного кода татар, проявляющихся в фольклорных образцах о Казанском ханстве.

Материалы исследования: в статье автором прослеживаются памятники эпического фольклора, связанные с Казанским ханством. Материалом исследования выступают опубликованные и архивные тексты исторических преданий и легенд, а также героических эпос-дастанов. Памятники татарского фольклора, о которых идет речь в исследовании, были записаны из уст соотечественников, проживающих в разных областях и регионах Российской Федерации, а также найдены в старых арабографических рукописях во время комплексных научных экспедиций, либо извлечены из сборников и рукописей, сданных под роспись их хозяевами в фонд архивов; часть материалов была включена в академическое издание «Татар халык иҗаты» («Татарское народное творчество») в 13 томах, изданный в период с 1977 по 1993 годы в г. Казани.

Результаты и научная новизна. В исследовании систематизируются отдельные жанры народного словесного творчества татар периода Казанского ханства, через фольклорные материалы выявляется специфика национального менталитета и культурного процесса народа. В эпических произведениях обнаруживаются историческая память и ценные национальные коды. Автор определяет, что сохранившиеся реликвии раскрывают прошлое татар, помогают найти историческую правду, принимают непосредственное участие в возрождении образа национального характера, идентичности, в определении будущего. В процессе анализа текстов народного творчества выявлено, что истоки фольклорного словесного искусства татарского народа восходят к глубокой древности; устные народные произведения передают мировоззрение народа своего времени, в них отражены религиозные взгляды татар. Работа является первым опытом системного анализа и описания отдельных жанров татарского народного творчества периода Казанского ханства.

Ключевые слова: эпический фольклор, Казанское ханство, исторические предания, легенды, героический эпос-дастан, мировоззрение народа, фольклорные источники

© Мухаметзянова Л.Х., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Историческая память в произведениях эпического фольклора татар периода Казанского ханства // Золотоординское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 770–784. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784>
EDN: ERVDFS

Благодарность: Автор выражает признательность И.М. Миргалиеву, кандидату исторических наук, руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за помощь при написании данного исследования.

HISTORICAL MEMORY IN WORKS OF EPIC TATAR FOLKLORE OF THE KAZAN KHANATE PERIOD

L.Kh. Mukhametzianova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract. Research objective: To consider the problem of the historical memory of the people, and the national cultural code of the Tatars, manifested in folklore samples about the Kazan Khanate.

Research materials: In this article, the author traces the monuments of epic folklore associated with the Kazan Khanate. The research material is published and archival texts of historical traditions and legends, as well as heroic epic dastans. The monuments of Tatar folklore discussed in the study were recorded from the lips of compatriots living in different regions of the Russian Federation, and were also found in old Arabic manuscripts during complex scientific expeditions, or extracted from collections and manuscripts submitted for signature owners to the archives fund; Some of the materials were included in the academic publication «Tatar Folk Art» in 13 volumes, published from 1977 to 1993.

Results and novelty of the research: The study systematizes individual genres of folk verbal creativity of the Tatars during the Kazan Khanate period; through folklore materials, the specifics of the national mentality and cultural processes of the people are revealed. Historical memory and valuable national codes are revealed in epic works. The author determines that the surviving relics reveal the past of the Tatars, help to find historical truth, and take a direct part in reviving the image and identity of national character, something which sheds light on determining the future. In the process of analyzing folk art texts, it was revealed that the origins of the folklore verbal art of the Tatar people go back to ancient times; oral folk works convey the worldview of the people of their time; they reflect the religious views of the Tatars. The work is the first experience of systematic analysis and description of individual genres of Tatar folk art of the Kazan Khanate period.

Keywords: epic folklore, Kazan Khanate, historical legends, legends, heroic epic-Dastan, worldview of the people, folklore sources

For citation: Mukhametzianova L.Kh. Historical memory in works of epic Tatar folklore of the Kazan Khanate period. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 770–784. [\(In Russian\)](https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784)

Acknowledgments: The author is grateful to I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences) for help in writing this study.

Исследователям порой бывает сложно определить дату создания и авторство того или иного прозаического или поэтического творения. В таких случаях обращаются прежде всего к освещаемым в них историческим событиям или к актуальной на то время лексике. Фольклорное наследие татар периода, затронутого в данном исследовании, очень богатое и многообразное: оно представляет собой не только исторические предания, легенды и эпос-дастаны, но и многие исторические песни, беиты, хушавазы, афористические жанры (пословицы, загадки, мэзеки (народная хитрость)), многочисленные сказки, которые, в свою очередь, подразделяются на волшебные, бытовые, о животных, – все они также хранят в себе много интересного из истории средневековой татарской государственности. Татары испокон веков тянулись к знаниям, ценили юмор и представления, поэтому вне зависимости от места своей локации, они с колыбели находили единение, впитывали в себя то родное и важное, что открывалось им в рукописных книгах и устных сказаниях народного творчества. В то же время и семейно-обрядовая поэзия татарского фольклора также донесла до наших дней много ценной информации о быте и культуре, менталитете татар Средневековья. Скажем, такие традиционные обряды, как разные помочи (тат. өмәләр), Сабантуй, сходы (тат. жыен), свадебно-обрядовый комплекс, различные гадания, зафиксированные в поэтических произведениях старины, могут донести до наших дней отголоски времен татарских ханств. Все эти фольклорные материалы, независимо от того, к какому жанру или виду относятся, одинаково ценны как трансляторы истории и культуры народа и представляют огромный интерес для изучения с разных аспектов. Однако большой объем материала не позволяет охватить в данном исследовании все жанры и образцы татарского фольклора. В связи с этим для участия составления корпуса статьи были отобраны наиболее близкие к истории народа жанры: предания, легенды и героические эпос-дастаны, являющиеся своеобразными историческими источниками, художественно интерпретирующие реальные события. Статья имеет характер научного обзора, использованы сравнительно-исторический, текстологический и структурно-описательные методы.

В целом следует отметить довольно обстоятельную изученность жанров преданий и дастанов. Наиболее значимыми трудами по изучаемой проблеме можно назвать труды С.М. Гилязутдинова [1], Ф.И. Урманчеева [16], Д.М. Исхакова [6] и др. Также в академическом издании “История татарской литературы” на татарском языке имеется специальный раздел, посвященный фольклору периода Казанского ханства [11, с. 71–86], где тексты эпического, лирического, лиро-эпического творчества становятся материалом филологического исследования. Однако предания, легенды и дастаны вполне достойны стать объектами научных исследований не только филологов-фольклористов, но и историков, культурологов, языковедов и других исследователей татарской гуманитарной науки. Специальные теоретические разработки на заявленную тему до сих пор в полной мере не имеются. Отсутствие научных исследований по систематизации татарских преданий и эпос-дастанов

периода Казанского ханства и проблемы комплексного анализа обуславливают актуальность данной статьи, которая является своего рода попыткой актуализации фольклорного материала в историческом ракурсе.

Предание (тат. риваять, от арабского «повествование») – жанр фольклора, восходящий к реальным событиям и историческим личностям, подразделяется на исторические и топонимические разновидности. Как отмечает Ф.И. Урманчеев, «термины «риваять» и «легенда» у нас часто используют в одном и том же или близком значении» [14, с. 152]. В то же время как жанр народного творчества легенда от предания отличается уровнем отражения в них исторической информации: объясняя происхождение того или иного явления или предмета, легенда больше использует фантазию, чем реально обоснованную интерпретацию; строится на необыкновенных происшествиях.

Среди *преданий* и *легенд* на казансскую тему имеются те, которые повествуют о событиях из истории становления Старой и Новой Казани («Иске Казан каласының корылуы», («Основание Старой Казани»), «Яңа Казан каласының корылуы» («Основание Новой Казани»), «Шәһәр нигә Казан дип аталган» («Почему город был назван Казанью?»), «Минем шәһәрем этләргә эләгер» («Мой город достанется собакам»)); о значимой роли личности в духовной и политической жизни народа («Сөембикә» («Сююмбике»), «Иске Казан каласының корылуы» («Основание Старой Казани»), «Шәрифкол» («Кулшариф»)); о трагических событиях падения Казани («Казан алынганды» («Взятие Казани»), «Иван Грозный ничек итеп Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный пошел войной на Казань»)) и др. В этом ряду также можно упомянуть легенды, в которых освещена история деревень Среднего Поволжья. Они составляют основную часть фонда татарских преданий и легенд периода Казанского ханства.

Предания, повествующие о строительстве города Казани, являются самыми ранними произведениями данного исторического периода. В основе их центрального мотива лежат события становления города Казани, связанные с древним культом змеи; к таким, например, можно отнести следующие предания: «Казан тарихы» («История Казани»), «Сихерче кызы» («Девочка-чародейка»), «Яңа Казан» («Новая Казань»), «Жигүле казак» («Запряженный казак»), «Елан тавы» («Змеиная гора»). В этих и во многих других эпических произведениях народа рассказывается о жертвоприношении на месте возникновения города; данный обряд, как известно, имеет давнюю историю и своими корнями восходит к народным верованиям и мифам. Наряду с вышеупомянутыми мифическими сюжетами в преданиях находят место и события, основанные на реальных исторических фактах. К примеру, во многих вариантах предания об основании древней Казани [4, с. 44–47] рассказывается о побеге от воинского вторжения Аксака Тимура (Тимура Хромого) сыновей последнего хана государства Булгар Габдуллы, Алтынбека и Галимбека, и основании ими на реке Казанке (тат. Казансу) города. Согласно преданию, город, построенный переселенцами из Булгара, в дальнейшем получает мощное развитие и становится столицей Казанского ханства.

В легенде «Казан, который закипает без огня» [18, с. 43] становление Казани также напрямую связывается с коренным народом Булгарского государства. Дошедший до Биляра Аксак Тимур пытается осадить и захватить его, но долгое время ему это не удается. После очередного набега монгольский за-

воеватель пытается узнать секрет непоколебимости и стойкости защитников этого города, для этого он облачается в нищенское одеяние, входит в Биляр и перемешивается в толпе простого народа. Наконец, одна старушка открывает ему тайну: «Аксак Тимур завоюет наш город лишь в том случае, если подождет лапку голубя и выпустит ее». В качестве благодарности монгольский завоеватель приказывает старушке немедленно покинуть город и поселиться в том месте, где казан закипит без огня. Захватив с собой котел, она покидает город и находит пристанище именно в том месте, где казан начинает кипеть без огня. По этому удивительному случаю город, в котором поселяется старушка, называют Казань (тат. Казан). Данная мифологическая версия происхождения названия города Казань отображается и во многих других сказаниях и легендах: «Үгым кайда төшсә, каланы шунда салам» («Куда упадет моя стрела, там и построю город»), «Казан кайда корылган» («Где построена Казань?»), «Минем шәһәрем этләргә эләгер» («Мой город достанется собакам»), «Шәһәр нигә Казан дип аталган?» («Почему город был назван Казанью?») и др. В данном ряду многочисленных эпических текстов Казань представлена наследницей поволжского государства Булгар.

Другой ряд сказаний и легенд связан с сюжетом падения Казани. На передний план таких повествований выдвигаются мотивы взятия города, описание изменений во внутренней политике ханства, отношений народа с соседним русским государством, неминуемой трагической участи для татар. При этом произведения сохраняют свойственные эпическому жанру особенности. «Казан алынганы» («Взятие Казани»), «Казан тарихы» («История Казани»), «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный пошел войной на Казань»), «Патша хәйләсе» («Хитрость царя»), «Зөя каласы» («Город Свияга»), «Шәрифкол» («Кулшариф») и многие др. относятся именно к этому ряду. В них по большей части упоминаются реальные события, исторические личности; наряду с этим при описании этих событий наблюдается явление фольклорной контаминации, т.к. параллельно с реалистичными сюжетами в произведениях имеется немало свойственных эпическим творениям и ничем не обоснованных фантастических мотивов.

В легенде «Как Иван Грозный пошел войной на Казань» [3, с. 59] в то время, когда главный персонаж ломал голову над тем, как бы отвоевать у татар их главный город, один из его доверенных лиц предложил ему раздусть скандал, который послужит поводом начать военные действия. Затем этот доверенный входит в Казань и просит ее правителя выделить ему место в центре города, достаточное для того, чтобы расстелить на нем звериные шкуры. После того, как разрешение было получено, он отправляется на базар и скупает у местных торговцев все шкуры, затем складывает их одну поверх другой посреди городской площади. Татары начинают выгонять его, но смутьяну все это на руку: он обращается к своему царю, Ивану Грозному, чтобы тот утихомирил народ. После этого, если верить этой легенде, Иван Грозный выдвигает свои полки и, громя все на своем пути, захватывает город. Такого рода эпические сказания представляют интерес как с точки зрения фольклорного разнообразия жанров, так и с точки зрения общественно-исторического комментирования.

Значительная часть легенд, преданий и мифов периода Казанского ханства посвящена историческим личностям. В центре повествований «Сөембикә»

(«Сююмбике»), «Шәрифкол» («Кулшариф»), «Зөя каласы» («Город Свияга»), «Казан тарихы» («История Казани»), «Казан алынганы» («Взятие Казани»), «Явызлыгы башына житкән» («Своей злой превзошел себя») – реальные личности, сыгравшие на исторической арене татар значительную роль: Ядигер, Шахали, Сююмбике; сейд Кул Шариф; русский царь Иван Грозный и др. В особенности образу легендарной правительницы Казанского ханства Сююмбике в кладези татарских эпических произведений уделено большое место. Возможно, эти легенды по большей части не претендуют на истинность в исторической плоскости, однако они привлекают к себе внимание описанием жизни видных деятелей периода Казанского ханства. Часто в них звучат и местные территориальные топонимы: Казань, Казанка, Идель (совр. Волга), озеро Кабан и т.д.

Такого рода фольклорным произведениям, не подтвержденным историческими документами, бывают присущи анахронизмы. Например, в одном известном варианте предания «Основание Старой Казани» перечисляются имена правителей ханства: «Сначала правил Алтынбек-хан, сын Абдуллы хана, затем – Алимбек-хан, после него – Халиль-хан, затем – Ибрахим-хан, затем – Ильхам-хан, затем – Абдуллатиф-хан, затем – Сахипгирей-хан, затем – Сафагирей-хан, после – Али-хан, затем – Утеш-хан, после него – Ядигер-хан. Однако во времена правления Ядигера был 950-ый год. Затем пришел Шахали-хан, а после него [на трон] был посажен русский царь» [5, с. 344–346]. Различия приведенного списка правителей с достоверными историческими хрониками очевидны. Без труда ясность в эту проблему вносят исторический и археологический материалы [19, с. 126], однако, как бы ни было, фольклорные источники, несмотря на их приверженность общефольклорным тенденциям, отражают дух, народные настроения той далекой эпохи, освещают народную память о реальных личностях того времени.

Духовная культура Казанского ханства, впитавшая в себя нравственно-этические ценности религии ислам, в своем развитии достигла больших высот; это своего рода явление преемственности, т.к. и в период Золотой Орды и ранее, во время существования Булгарского государства, коренные народы, заселявшие Волго-Уральский регион, являлись представителями высокоразвитой цивилизации, что в первую очередь отразилось и на развитии фольклора и литературы. То мнение, что основоположниками города Казани были поволжские булгары, вполне имеет место быть, и оно подтверждается историческими преданиями периода Казанского ханства. Так, например, многочисленные варианты предания «Основание Старой Казани», или «Становление Старой Казани», рассказывают о последнем правителе Булгарии Габдулле, его супруге и сыновьях Аксаке и Галимбеке. Как говорится в этом фольклорном памятнике, после взятия Булгарии Аксак Тимур расправляется с ханом Габдуллой, малолетних его сыновей тайно вывозят сначала в город Бильяр, затем переправляют за Каму, на побережье реки Казанки. В этой местности Аксак и Галимбек основывают Старую Казань. Согласно преданию, первым ханом Старой Казани становится Алтынбек и правит он городом пятьдесят лет. После него трон занимает второй сын Габдуллы – Галимбек. Сыновья булгарского хана Габдуллы правят в общей сложности сто четыре года, затем город перемещается в нынешнее местоположение современной Казани – в устье реки Казанки. Хотя данные сведения официально не документали-

зированы, если раскрыть связи Волжской Булгарии и Казанского ханства, то нельзя вовсе не принимать всерьез события, описанные в преданиях. Напротив, они достойны самого внимательного рассмотрения и изучения.

Еще одна заметная часть легенд и преданий освещает историю развития татарских деревень, их возникновения, происхождения топонимов. Важной чертой таких преданий, как «Мамадыш», «Югари Шырдан» («Верхние Ширданы»), «Аюкейдергэн» («Аюкудерган»), «Сәед» («Сеид»), «Мулла иле» («Молвино»), является то, что они раскрывают правду об истории возникновения названий той или иной местности компактного проживания татар, начиная с периода Казанского ханства. Именно эти произведения говорят о том, что истинной родиной современных казанских татар является Волжская Булгария, а их вероисповеданием была религия ислам. Легенды и предания, освещающие историю жизни татарских деревень, предоставляют возможность не только проникнуться историческим прошлым, веянием быта того времени, но и в полной мере оценить культурные ценности, мировоззрение, жизненную философию жителей страны. «Один из них – человек по имени Замет (тат. Жәмәт) – вместе с пятью сыновьями, одной сестренкой переехал из Булгара и обосновался в этих местах (...). Оставил после себя многочисленное потомство от нескольких жен. Некоторые из его детей в дальнейшем разъехались по разным местам, образовав новые поселения. Так, один из сыновей по имени Маметкул основал деревню, которая сейчас носит название Мамадыш-Акилово (тат. Мамадыш Экил)» [8, с. 141]. Данный отрывок из предания «Мамадыш» показывает, насколько важную роль в истории татарского народа играли традиционные большие семьи. На примере таких историй можно детально отследить хронологические события основания и развития того или иного села или города на протяжении нескольких столетий.

Подытоживая вышесказанное об исторических преданиях и легендах, можно отметить, что легенды и предания о жизни татарских деревень примечательны тем, что в них в полной мере отражены традиционный уклад и быт средневековой эпохи. Помимо прочего, их отличает живость и естественность сюжетной линии, простота и красочность описания жизненных деталей.

Героические эпос-дастаны – объемные эпические произведения народа, в которых присутствует героизм и где фигурируют исторические личности и конкретные факты реальных событий, тесно переплетенные в сюжете с творческой фантазией сказителя.

Дастаны «Чура-батыр» [13, с. 108–119], «Жик Мәргән» («Джик-стрелок») [13, с. 94–98], «Гыйсә улы Амет» («Сын Исы Амет») [13, с. 102–105] – фундаментальные образцы эпического фольклора – в истинном смысле слова являются жемчужинами татарского народного творчества. «Чура-батыр» можно рассматривать как продолжение «Идегея», где на пьедестал, как и в знаменитом эпосе времен смуты Золотой Орды, поставлен непобедимый батыр. Ученые, занимающиеся проблематикой данного дастана, утверждают, что прототипом главного героя произведения является живший в период Казанского ханства политик и государственный деятель Чура сын Нарыка [15, с. 17–27; 2, с. 7–27; 9; 6, с. 100–125]. Действительно, в дастане существует много неопровергимых доводов в пользу этого утверждения. Эпос, построенный на данном сюжете, был широко распространен среди многих народов, входивших в состав Золотой Орды. В нем речь идет о людях, так или иначе

связанных с Казанским ханством, взаимоотношениях края с соседними ханствами, а город Казань представлен в качестве духовного центра. Среди всех тюркоязычных вариантов эпоса произведения на татарском языке выделяются своей близостью к теме города Казани.

Дастан о Чура-батыре считаем достаточно изученным, также имеются специальные научные статьи, которые полностью освещают его отношение к Казани, поэтому здесь подчеркиваем лишь следующее: в татарских дастанах начиная с середины XVI века, после покорения Казани усилившемуся за последние годы русскому государству, героика постепенно заменяется на религиозную героику. Если в более ранних эпосах главный герой в своей борьбе возлагает надежды на себя и свои силы, то теперь в аналогичных ситуациях он полагается на волю Аллаха; понятие времени в дастанах соотносится со временем совершения намазов. Так, например, когда наступает время для намаза, боевые действия приостанавливаются. Соответственно, враги в татарских вариантах дастана о Чуре-батыре представлены как неверующие-кяфиры; также в них много говорится о мечетях. Например, последняя песнь Чура-батыра во время битвы с сыном, рожденным от русской женщины, несет в себе исламскую идеологию того времени:

Шагали ханның йорты өчен,
Сарыканиның күңеле өчен
Күк чобарым арытмай,
«Күк чыбыгым» кара канга жебетмәй,
Бу гәвернен кереш күзле малаен
Инрә-инен ана Иделгә колатмай,
Бу гәвер менә серен чыктырмай,
Ак мәсҗедләр салдырмай,
«Аллаһ»лап азан эйттермәй,
Морадыма житкермәй
Кайтмам да! Кайтмам да! [22, с. 119]

/Я загоняю своего чубарого
Ради страны Шагали-хана,
Для радости Сарыкани.
Пока не утомится мой чубарый,
Пока мой меч «Кук чыбык»
Не станет черным от крови.
Пока глазастого сына этой неверной
Не утоплю в Волге-матери,
Пока не узнаю их тайну,
Пока не возведут белые мечети,
Пока не произнесут азан,
Пока не добьюсь этой цели
Не вернусь, не вернусь! [20, с. 153] /

Такого рода религиозные образы, мотивы и элементы значительно сближают дастан о Чура-батыре с исламом. Главная идеология Казанского ханства получает дальнейшее развитие в рамках исламского вероучения.

Другой героический дастан «Жик Мәргән» («Джик-стрелок») впервые издается под рубрикой «Народное сказание» в журнале «Ан» за 1916 год [23,

с. 232–234]. В этом дастане речь идет о борьбе местного батыра против ханских правителей. В нем героические мотивы переплетены с трагическими событиями.

Повествование начинается с рассказа о госпоже Тугзак (Тугзак-эби, Тугзак-ана), жене предводителя. В один из дней она вместе с девятью сыновьями отправляется провести лето к побережью реки Белая. В рассказе упоминается эпизод состязаний местных батыров у рек Яика и Камы. Однажды би (би, бий, бей, бек – тюркский дворянский титул, соответствует титулам князь, властелин, господин) Тугзак-ана уходит на охоту с другими батырами на дальнее расстояние и оттуда не возвращается. После этого госпожа Тугзак со своими детьми решает обосноваться в долине под названием Курч. Когда сыновья подрастают, она их женит, и те, как и их славный отец, становятся охотниками. Побережье Камы трясется от конского топота лошадей этих юношей.

Однажды, вернувшись с очередной охоты, испив хмельной мед, юноши засыпают крепким сном. В это время на них нападает войско злобных, завистных недругов и подчистую истребляет род Тугзак-ана. Только девятая невестка, предчувствуя скорое нападение врага, вместе со своим дитя убегает прочь от этого места, однако вскоре умирает от выпавшего на ее долю непосильного горя. В живых остается только ее ребенок, который вырастает под присмотром матушки-природы и становится невероятно сильным богатырем. Бродя по окрестностям, он приходит в место, где некогда жили его родичи. Только теперь на месте юрт там оказались одни развалины. Он вытягивается на земле рядом с обглоданными белыми костями отца и матери и засыпает. Во сне он видит старца верхом на прекрасном вороном коне, на плече у него лук со стрелами. Остановившись перед осиротевшим юношем, он рассказывает ему о его роде и племени, затем велит разыскать предназначеннное для него оружие. «Пусть имя тебе будет Яик (тат. Жик), пусть лук твой будет крепок!» После этого Яик, вооружившись и оседлав на лугу коня, направился в западную сторону. По дороге он собрал войско из башкир, призывая их не платить больше в хансую казну Казани, затем пошел войной на казанского хана.

Яик был очень искусным и метким стрелком, этим искусством он прославился на всю округу. В дастане говорится о том, что в Зауралье казахские богатыри, знаменитые беки и казанские атаманы боялись оказаться на пути Яика и погибнуть от его метких стрел. Однажды хан Казани объявляет войну против Яика и его войска. В итоге этой войны он уничтожает воинов Яика, а его самого берет в плен и приказывает привезти в Казань. Его заключают в темницу каменного дворца. В один из дней хану, одним из занятий которого была охота, докладывают, что лебедя, плавающего на озере, никто еще до сих пор не смог подбить, и на это способен только Яик. После этого хан приказывает привести к нему заключенного. Яик просит приближенных хана вспугнуть того лебедя, и после того, как белая птица взлетает, он подбивает ее одним метким выстрелом. За это хан освобождает Яика. Тот немедля возвращается в земли своих предков – на побережье Белой реки. В дастане рассказывается о многих геройствах славного Яика, и заканчивается повествование его смертью.

С точки зрения освещения эпических явлений в рамках эпоса и исторических преданий и легенд произведение близко к народному эпосу, однако в

его сюжет вошли и элементы, которые не помещаются в рамки героического дастана. Например, в произведении главный персонаж добровольно сдается врагу в плен, затем, оказав хану услугу, удостаивается «жирного куска» – обретает свободу. Эпическому герою не свойственно преклоняться перед своим врагом, служить ему; у тюркских народов герой дастанов – непреклонный победитель, даже в момент своей смерти он не перестает сражаться. Поэтому эти эпизоды в «Яик стрелке» чужды для эпоса. В плане языка повествования, хода рассказа также чувствуется некоторое несоответствие эпическим канонам; в этом смысле «Яик стрелок» отличается от других эпос-дастанов. В то же время в произведении представлены вполне реальные картины, исторические события и факты: описание конной охоты, внутриплеменных взаимоотношений, особенностей служения хану, границ обширных территорий Казанского ханства, включавшего в то время земли восточной части современного Башкортостана и т.д.

Основная причина возникновения противоречий в дастане «Яик стрелок», выходящих за пределы законов героического эпоса, связана со стремлением обработавшего и опубликовавшего дастан Файзи Валиева (1892 – 1942) представить его в виде оригинальной прозы. Дастан «Яик стрелок», представленный как народный дастан, вправе рассматриваться как произведение, в свое время подвергшееся влиянию бытовой авантюристской прозы. Автор-обработчик дастана при создании сюжетных линий опирался на татарские народные эпические традиции, а также на исторические предания и легенды, сказки (например, предания «Бачман-хан», «Хан кызы Алтынчеч» («Ханская дочь Алтынчеч»), сказка «Алтынчеч» («Алтынчеч»), легенда «Ян-мый торган кыз» («Несгораемая девочка»)). По своей композиции и построению произведение близко к сказкам о стрелках, в частности к популярному у сибирских татар дастану «Сәңгелгөлек мәргән» («Сангелмулюк»), записанному Х. Ярми в деревне Байби Тевризского района Омской области у Гадулхата Аллагулова (род. 1870) [12].

Историческая память народа о событиях, связанных с Казанским ханством, также прослеживается в дастане «Гыйсә улы Амет» («Сын Исы Амет»). Это произведение – один из шести дастанов, включенных в «Дафтаре Чингизнаме» [17, с. 97–133] (точное название сборника не сохранилось, поэтому есть разнотечения: «Сборник дастанов», «Сборник», «Книга о дастанах», «Татарская хроника» и др.). Все включенные в сборник произведения: «Дастан о роде Чингизхана», «Дастан о роде Аксака Тимура», «Дастан о сыне Исы Амете», «Дастан об Идеги-бие» – объединяет то, что они посвящены известным историческим личностям из рода чингизидов. В исследовании известного татарского тюрколога, историка М. Усманова [17], об этом подробно изложено.

С художественной точки зрения «Сын Исы Амет» примечателен тем, что он был одним из излюбленных народных дастанов. Данное произведение сохранилось как в составе «Чингиз-наме», так и в отдельных, найденных в разное время рукописях; его текст многократно переиздавался вплоть до нашего времени. Также включенность «Сына Исы Амета» в вышеуказанный сборник стало для дастана счастливым уделом, т.к. «Чингиз-наме» привлекал и продолжает привлекать внимание многих ученых-фольклористов.

Подобно любому героическому дастану, «Сын Исы Амет» также основывается на реальных событиях. Главные персонажи дастана: золотоординский хан Джанибек, его супруга Тайдулы, сын Бирдабек, ханская дочь и Амет – являются реальными личностями, топонимы совпадают с названиями местностей преемника Золотой Орды Казанского ханства, характер взаимоотношений главных героев произведения подтверждается документальными источниками. Однако несмотря на то, насколько интересными и захватывающими были исторические факты, события тех далких лет в дастане описаны с помощью художественных методов, свойственных жанрам фольклора. В книжном дастане «Сын Исы Амет», повествующем о сложной перипетийной судьбе татарского народа, проза перемежается с рифмованной прозой; наряду со сценами военных баталий имеются и приключенческие, любовные истории, эпизоды песенных диалогов, сопровождаемых игрой на национальных музыкальных инструментах: варгане, домбре. В деятельности Салчи, родившегося в результате любви главного героя Амета и дочери хана Джанибека, мы можем видеть различные проявления политики Казанского ханства. Ниже следующий пример поэтического монолога, свойственного традиционному тюркскому эпосу, представляет из себя ценность в исследовательском плане:

Ак Сарайда балчымын,
Ана Иделдэ салчымын,
Әчтерханда тучымын,
Кыр-далада уенчымын,
Анам сорсан – никяхсыз,
Атам сорсан – белексез.
Тебем сорап нидәсез,
Үзэм артык туган соң [21, с. 105]

/В Ак-Сарае я виночерпий, У матушки-Волги – сплавщик плотов, В Астрахани – знаменосец, В степях – музыкант, Спросите про мать – без никяха, Спросите отца – неизвестен, Спросите про мою родословную – Зачем рожден я на этот свет?/ (Подсточный перевод автора).

Казанское ханство – наследница Золотой Орды на территории Поволжья. Дастан был создан уже после распада Золотой Орды, в тот период, когда Казанское ханство переживало свой расцвет, и в последующие годы был широко распространен в различных вариантах.

Выше уже было подмечено, что ислам в жизни ханства сыграл значительную роль: он проник в быт не только представителей верхушки власти имущих, но и стал важнейшим компонентом в быту, повседневных делах, менталитете, жизненном укладе, творческом потенциале простого народа. Соответственно, все фольклорные произведения периода Казанского ханства: дастаны, легенды, предания, беиты, мунаджаты, лиро-эпические хушавазы, исторические песни, афоризмы – пронизаны исламским вероучением. Ислам в статусе государственной религии укоренился не только в самой Казани, но и далеко за ее пределами, охватив обширную территорию, далеко не сопоставимую с современными границами Татарстана, и этот факт ярко освещен в словесном народном творчестве.

В состав Казанского ханства входили территории, где и поныне проживает большое количество этнических татар: Ульяновск, Пенза, Тамбовская область,

Чувашия, Марийская Республика, Удмуртия, Мордовия. Часть территории Нижнего Новгорода, Саратова, Самары, Пермской области, западная часть сегодняшней Республики Башкортостан также входили в состав Казанского ханства. Как известно, задолго до включения этих и многих других областей в границы Казанского ханства они были в составе прежних татарских государственных образований. Единство территории, языка, вероисповедания способствовало распространению фольклорных памятников на многие регионы. Это подтверждается многочисленными находками ученых-исследователей различных татароязычных вариантов фольклорных образцов на один и тот же сюжет в разных регионах компактного проживания татар по всей Российской Федерации. Так, например, в популярных среди проживающих в Астраханской области татар лиро-эпических песнях-хушавазах [10, с. 150–160] многие сюжеты и образы встречаются и в отрывках преданий, легенд, дастанов, мунаджатов, бытующих в татарских населенных пунктах различных других регионов страны. Об этом подробно пишет Н.Ф. Катанов в своем известном исследовании «Исторические песни Казанских татар» [7, с. 5–7]. Широкое распространение того или иного эпического произведения периода Казанского ханства по регионам России в различных вариантах отличается от типичной схожести в фольклоре.

Помимо вышеупомянутого и проанализированного объемного эпического наследия народы, проживающие в Казанском ханстве, непременно были знакомы с такими широко известными вариантами любовных дастанов, как «Книга о Йусуфе», «Сайфульмулюк», «Тахир и Зухра», «Лейля и Маджнун», «Туляк» и др. Широкая распространенность рукописей среди татар на данные сюжеты, которая наблюдается испокон веков, подтверждает большую вероятность такого заключения.

Памятники устного народного творчества, относящиеся к жанрам преданий, легенд и дастанов, формировались и совершенствовались, передавались из поколения в поколение. В этом процессе отражались судьба татарского народа, великие исторические события, среда обитания, историческое развитие, духовное состояние.

Итак, в период Казанского ханства получили развитие различные жанры народного творчества, появились объемные и содержательные произведения татарского фольклора. Сложная и противоречивая история этого времени, события, потрясшие душу народа, нашли отражение в преданиях и легендах, дастанах. Фольклорные произведения бытовали как в устной, так и в письменной форме. Основной идеей произведений того периода является благополучие государства, борьба за свой род, племя, защита интересов кровных братьев. Идейная направленность в творчестве народа отображает его традиционно-консервативные устои. Сохранившиеся до наших дней предметы материальной культуры, исторические документы, архивные записи об эпохе Казанского ханства ярко запечатлели следы бытового уклада, религиозных культов народов, населявших территорию ханства. Именно в таких жанрах народного творчества, как предания и легенды, эпос-дастаны, мотивы расцвета исламской религии, провозглашения нравственно-этических и эстетических воззрений находят еще более яркое звучание. Вследствие этого значимость этих текстов с историко-культурной точки зрения, несомненно, весьма существенна.

Татарский эпический фольклор периода Казанского ханства в совокупности составляет гармоничное целое, отшлифованное веками, доносящее до наших дней ценные факты о прошлом. Рассмотренные нами образцы татарского эпического фольклора – унаследованные от предков базовые духовные ценности татар. Они являются своего рода ценными источниками для понимания исторической действительности. Исторические предания и легенды, а также героические эпос-дастаны, относящиеся к периоду Казанского ханства, цепны тем, что в них так или иначе фиксируются особенности народной жизни, национальной мысли и менталитета в целом. Образцы словесного фольклора татар являются «живыми свидетелями» судьбоносных событий прошлого; они выявляют глубокие тюркские корни татарского народа, участвуют в обозначении ареала его расселения, отображают многовековые проблемы и потрясения, радости и горести, надежды и чаяния, философию познания жизни, особенности семейно-бытового уклада народа. В этом смысле эти жанры фольклора играют важную роль в современном мире, в совокупности создают общую эпическую картину мира татар XV–XVI вв., хранят народную память о важных ступенях нации в определенный период, способствуют формированию национального самосознания у молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2000. 32 с.
2. Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар иҗатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 с.
3. Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан // Татар халык иҗаты. Риваятьләр hәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә hәм искәрмәләрне язучы Гыйләҗетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 59.
4. Иске Казан каласының корылуы // Татар халык иҗаты. Риваятьләр hәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә hәм искәрмәләрне язучы Гыйләҗетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 44–47.
5. Иске Казанның салынуы // Борынгы татар әдәбияты. Төз.: Х. Мөхәммәтов, Х. Хисмәтуллин, Ш. Абилов h.б. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. Б. 344–346.
6. Исхаков Д.М. Халкыбызының эпик әсәрләрендә милли тарих. («Гүләк hәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегәй», «Чура батыр» дастаннары hәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО «Грумант», 2022. 160 с.
7. Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар : текст, транскр. и пер. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. 36 с.
8. Мамадыш // Татар халык иҗаты. Риваятьләр hәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә hәм искәрмәләрне язучы Гыйләҗетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 140–142.
9. Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоординское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 212–228. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228>
10. Мөхәммәтҗанова Л.Х. Әстерханда татар фольклоры: тарихи-мәдәни экспурс // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2021. № 2. С. 150–160.
11. Мөхәммәтҗанова Л.Х. Казан ханлыгы чоры халык иҗаты // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 2. Төз. Г.М. Дәүләтшин. Яңарт. 2нче басма. Казан: Татар кит. нәшр., 2022. Б. 71–86.

12. Сәңгелгөлек мәргән // Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Фольклорный фонд, 1940. Колл. 4. Папка 1, ед. хр. 9.
13. Татар халык иҗаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр, 1984. 384 б.
14. Урманче Ф. Татар халык иҗаты. Казан: Мәгариф, 2002. 335 б.
15. Урманчеев Ф.И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. Б. 17–27.
16. Урманчеев Ф.И. Татарский народный эпос. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2023. 384 с.
17. Усманов М.А. Татарские исторические источники. Казань: Изд-во ун-та, 1972. 223 с.
18. Утызыз кайный торган казан // Татар халык иҗаты. Риваятләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Гыйләҗетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 43.
19. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
20. Хикаят о Чуре батыре // Татарское народное творчество: в 15 т. Т.8. Дастаны. Составитель тома, автор вступительной статьи Ф.В. Ахметова. Перевод: А.Х. Садековой, отв. ред. Д.Э. Нигматуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. С. 141–154.
21. Хикәяте Гыйсә улы Амәт // Татар халык иҗаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр, 1984. Б. 102–105.
22. Чура батыр хикәяте // Татар халык иҗаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәр. язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 108–119.
23. Жик мәргән. Халык хикәяте. Фәйзи эшкәрткән // Аң. 1916. №4. 232–234 б.

REFERENCES

1. Giliyazutdinov S.M. Tatar Historical Legends and Tales and Their Artistic Features: Author's Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. IALI im. G. Ibragimova AN RT. Kazan, 2000. 32 p. (In Russian)
2. Ibragimova L.Kh. Dastan "Chura-Batyr" in the Creativity of the Turkic Peoples. Kazan: Fiker, 2002. 190 p. (In Tatar)
3. How Ivan the Terrible started the war against Kazan. In: Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, 59 p. (In Tatar)
4. Foundation of the city of Old Kazan. In: Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, pp. 44–47. (In Tatar)
5. Foundation of Old Kazan. In: Ancient Tatar literature. Kazan: Tatar book Publ., 1963, pp. 344–346. (In Tatar)
6. Iskhakov D.M. National history in the epic works of our people (Analysis of the dastans "Tulek and Susylu", "Ak Kubek", "Idegey", "Chura-batyr" and historical legends): Monograph. Kazan: Grumant, 2022. 160 p. (In Tatar)
7. Katanov N.F. Historical Songs of Kazan Tatars: text, transcription and translation. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta, 1899. 36 p. (In Russian)
8. Mamadysh. Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatars book Publ., 1987, pp. 140–142. (In Tatar)
9. Mukhametzianova L.Kh. Chura Narykov is a Politician of the Kazan Khanate. Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 212–228. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228> (In Russian)
10. Mukhametziyanova L.Kh. Tatar folklore in Astrakhan region: historical and cultural insight. Gasyrilar avazy – Eho vekov, 2021, no. 2, pp. 150–160. (In Tatar)
11. Mukhametziyanova L.Kh. Folk art of the period of the Kazan Khanate. History of Tatar literature. In 8 vol. Vol. 2. Expanded 2nd edition. Kazan: Tatar book Publ., 2022, pp. 71–86. (In Tatar)

12. A sharpshooter named Sangelgelik. IALI im. G. Ibragimova AN RT, 1940. Collection 4. Folder 1, storage unit 9. (In Tatar)
13. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, 384 p. (In Tatar)
14. Urmanche F. Tatar folk Art. Kazan: Magarif, 2002, 335 p. (In Tatar)
15. Urmancheev F.I. Chura-batyr. *Miras*. 1995, nos. 7–8, pp. 17–27. (In Tatar)
16. Urmancheev F.I. Tatar folk epic. Kazan: IALI im. G. Ibragimova AN RT, 2023. 384 p. (In Russian)
17. Usmanov M.A. Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries. Kazan: Izd-vo un-ta, 1972. 233 p. (In Russian)
18. A cauldron that boils without fire. Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, 43 p. (In Tatar)
19. Fakhretdinov R.G. Essays on the history of Volga Bulgaria. Moscow: Nauka, 1984. 216 p. (In Russian)
20. Hikayat about Chura-batyr. Tatar folk Art: in 15 volumes. Vol. 8. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 2019, pp. 141–154. (In Russian)
21. Son of Isa Amet. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, pp. 102–105. (In Tatar)
22. Hikayat about Chura-batyr. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, pp. 108–119. (In Tatar)
23. Jick the shooter. Folk story. Edited by Faizi. *Ang.* 1916, no. 4, pp. 232–234. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К.Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya Kh. Mukhametzianova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025